
В. М. Истрин. Книггы времяньгъта и шбразньгъта Гевургина мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Ленинград. Издательство Академии Наук СССР. 1930. L + 348 стр.

Третьим томом заканчивается капитальный труд акад. Истрина, посвященный Хронике Георгия Амартола. Нет надобности говорить о том огромном значении, какое имеет для истории славянской письменности и славянских литературных языков издание словаря к славянскому переводу этой Хроники, одному из самых крупных памятников старославянской переводной литературы, возникшему не позже середины XI в. Составление словаря к такому обширному памятнику требовало огромного труда и самого напряженного внимания. Перед составителем стояла почти непосильная для одного человека задача выбрать все слова из памятника, занимающего в издании более 500 стран. текста, напечатанного гражданским шрифтом, и указать все соответствия между несколькими тысячами слов греческого оригинала и славянского перевода, не пропустив ни одного слова, так как только одна возможность не найти в словаре какое-нибудь слово, имеющееся в памятнике, сильно понижает ценность словаря. Решимость взять на себя эту работу и выполнить ее одному была со стороны Истрина подвигом. И трудно ставить ему в вину то обстоятельство, что в словарях, обнимающих приблизительно 8500 греческих слов и 6800 славянских, оказались все-таки пропуски (см. ниже).

В предисловии к словарям (стр. I—II) И. пишет, что первоначально он предполагал «указать в Словаре все случаи, где греческое слово передано тем или другим славянским», по типу словарей к таким памятникам, как Сав., Син. Пс. и т. п., но потом от этого плана «пришлось

отказаться и довольствоваться указаниями лишь на один пример каждого значения». И. оправдывает это решение тем, что «для определения степени литературной начитанности переводчика и его умения владеть богатым словарным материалом... достаточно иметь налицо весь запас слов Хроники, хотя бы и в единичных примерах». Но главная задача подобных словарей—вовсе не определение образованности переводчика, а знание словаря языка. Если греческое слово переводится разными славянскими словами, то чтобы понимать их значение, надо выяснить, стоит ли употребление в переводе разных славянских слов (в связи) с различными оттенками значения греческого слова или не стоит. Кроме того, не одно и то же, если какое-нибудь греческое слово сто раз переведено одним славянским словом и один раз другим и если оба славянских слова как перевод одного греческого встречаются одинаково часто. Нет надобности в словаре указывать все случаи перевода одного греческого слова одним славянским—в словаре такого обширного памятника эта задача была бы невыполнима,—но отличать обычный перевод от необычного необходимо, и это не очень увеличило бы объем словаря: достаточно, приведя ссылку на одно место, сделать указание на то, что данное слово в данном значении (или с данным переводом) встречается часто, во всем памятнике, или редко, в такой-то части памятника, или столько-то раз, если случаи такого перевода единичны. Может оказаться, что в одной части памятника известное греческое слово переводится иначе, чем в другой части, что могло бы указывать на разных переводчиков. Ссылка на один случай употребления слова всего этого не позволяет сделать.

При издании словаря к памятнику очень важно приводить не только ссылку, но и цитату, чтобы не приходилось для понимания слова каждый раз обращаться к тексту памятника. Но так как настоящий словарь является не самостоятельным изданием, а приложением к изданию текста, то этот пробел в данном случае несуществен.

Для выяснения полноты словаря и принципов, положенных Истриным в основу словаря, я сверил данные словаря с несколькими страницами изданного Истриным в I томе текста памятника, именно, со стр. 27, 31, 63, 64, 265, 503, 509 и 532, причем стр. 503, 509 и 532 сверил и с греческим текстом продолжения хроники Георгия Амартола, изданным во II томе труда И. Это сличение позволило выяснить те принципы, положенные Истриным в основу при составлении словаря,

о которых не говорится в предисловии, и получить представление о некоторых пробелах словаря.

Принцип занесения слов в словарь у И. обычный: существительные заносятся в именит. пад. ед. ч., прилагательные — в бесчленной форме ед. ч. муж. рода, глаголы — в инфинитиве и т. д. Но при этом греческие глаголы вносятся в словарь по иному принципу, чем славянские. В то время как несовершенный и совершенный виды славянских глаголов заносятся в словарь каждый отдельно, напр., **повѣдиги** и **повѣждати**, **прѣльстити** и **прѣльщати**, **приклонити** и **прикланати**, **приняти** и **примати** и т. п., греческие глаголы заносятся только в форме имперфективного вида; поэтому нет ни ἐλθεῖν, ни εἰπεῖν, ни εἰρηκέναι и т. д., а только ἔρχεσθαι, λέγειν и т. д.; в качестве греческих соответствий славянским **принити**, **реци**, **проглаголати**, **оүвидѣти** и т. п. указываются, между прочим, ἔρχεσθαι, λέγειν, προλέγειν, ὄρᾶν, хотя в тексте этим глаголам совершенного вида соответствуют формы аориста или перфекта. Исключение сделано только для глагола перфективного вида ἦκειν, который в словаре имеется. Почему-то оказался в словаре и аористный инфинитив ἰδεῖν для одного случая, где аорист εἶδε переведен настоящим временем **вѣдаеть**. Но для тех случаев, когда этому аористу соответствуют славянские глаголы соверш. вида **оүвидѣти**, **оүзьрѣти**, **возьрѣти**, в качестве греч. соответствия указано только ὄρᾶν. Такое несоответствие во всяком случае не может быть названо правильным: если разные виды славянского глагола в словаре разделены, то же надо было сделать и для греческого глагола.

При составлении словаря нельзя было сохранить написания рукописи, так как слова могли оказываться в словаре в таких формах, какие в самом тексте памятника не встречаются; надо было правописание так или иначе нормировать. Но здесь перед составителем стоял трудный вопрос: как нормировать? Перевод был сделан на старославянский язык. Но старославянское правописание было одно в Восточной Болгарии, другое в Македонии, третье в Моравии. На Руси старославянское правописание уже в середине XI в., как показывает Остромирово евангелие, отличалось от болгарского. Кроме того, перевод Хроники бытовал на Руси в XII, XIII вв. и позднее, сохранился в списках не раньше XIII в.; стоит ли применять к словарю этого памятника правописание времени его возникновения? Нормы восточноболгарского, македонского и моравского правописания XI в. нам извест-

ны. В русском правописании старославянских и церковнославянских текстов XI—XIII в., если мы будем исходить из текстов, написанных грамотно¹, можно различать 3 стадии, не считая переходных. Все они характеризуются отсутствием смешения **ж** с **л** и **ъ** с **ь**, правильным, за исключением строго определенных случаев, употреблением **ѣ**, различного и от **е**, и от **ѧ**, болгарским употреблением **ѡ** (**свѣѡца**), употреблением гласной перед плавной в сочетаниях из о.-сл. *l, r* (**вѣлкѣ**, **пѣрвыи**), употреблением **л** в основе **поман-** и в прилагательных на **-анѣ**. Полногласие или его отсутствие в систему правописания не входило: русские слова писались с полногласием, южнославянские и чешские с гласной после плавной. Древнейшая стадия русского правописания (ср. Остр. ев.) правильно отличает **ж**, **ѣ**, **л**, **ѡ** от **оу**, **ю**, **а**, **ѧ**, правильно сохраняет **ъ** и **ь** сильные и слабые, пишет по-болгарски **жд** на месте о.-сл. *dj* и различает **к** и **ѣ**². В следующей стадии отличия сводятся к тому, что **ж**, **ѣ**, **ѡ** последовательно заменяются через **оу**, **ю**, **ѧ**, гласная **л** совпала после старых мягких с **а** или **ѧ**, а болгарское **жд** из *dj* последовательно заменяется через **ж**. Вариантом этой стадии является правописание, пропускающее **ъ** и **ь** слабые в первом слове основы (не в приставках и суффиксах!). Следующая 3-я стадия русского правописания — та, какая явилась после падения т. наз. глухих. Если не считать провинциальных галицко-волынских и новгородских правописаний, то всё отличие русского правописания 3-й стадии от предыдущей состоит в том, что старые **ѣ** и **ь** сильные и перед плавными заменяются через **о** и **ѣ**, а **ѣ** и **ь** слабые часто пропускаются, сохраняясь главным образом в приставках, в конце слова и там, где могут иметь фонетическое значение, обозначая твердость или мягкость.

Истрину оставалось применить одну из названных систем. Но вместо этого он дает собственную систему, которую притом не выдерживает последовательно. Согласно русскому правописанию, господствовавшему на Руси с конца XI в., в отличие от старославянского, он вообще не употребляет букв **ж** и **ѣ**, заменяя их всюду буквами **оу** и **ю**, но в отличие от этого правописания различает буквы **л** и **ѡ**, с одной сторо-

¹ Грамотными рукописями я считаю все рукописи, в которых написания слов подчинены определенным нормам, хотя бы эти нормы и расходились со взглядами того или другого ученого на правильность.

² Таковы нормы 1-го почерка Остр. Но, конечно, не вполне грамотные или недостаточно внимательные писцы могли делать ошибки.

ны, а и ѿ — с другой: **ѹасѣь, коньѹати, шатѣрьѣ, жаба, царь, болгаринѣь, гавлати, поѹасѣь** и т. п., но **ѹадо, наѹати, цаѣа, ладвик, ѡти, поѡти** и т. п.; однако употребление этих букв не соответствует ни старославянским, ни древнерусским нормам; так, он пишет **а** и **ѿ** вместо этимологических **ѡ** и **ѡь**: **жатѡа, ѿзыкѣь** и др. и, наоборот, **ѡ** вместо этимологического **ѿ**: **кланѡтисѡ** и др. Так как **а** и **ѡ** стоят в разных концах алфавита, то такая непоследовательность затрудняет отыскание слов. На месте о.-сл. *dj* И. везде пишет по-болгарски **жд**, хотя в русских памятниках, не употребляющих **ж**, с XI до XV в., в этом случае последовательно пишется **ж**. В начале слов и после гласных И. пишет **ѣ** даже в таких словах, в которых русские рукописи XI и XII вв. пишут обыкновенно **ѣ**: **ки, ѣтерѣь, ѣзеро, ѣлень, ѣретичѣьство**. Проще было бы, раз словарь печатался гражданским шрифтом, букву **ѣ** вовсе не вводить.

В соответствии со старославянскими **ѣ** и **ѣь** сильными И. вообще пишет **ѣ** и **ѣь**, следуя, т. о., правописанию, господствовавшему на Руси до середины XII в.: **дѣждѣь, смокѣьвѣнница, дѣнь** и пр., но этого правописания не выдерживает и пишет **о** не только в **довольнѣь** и **оѹповати** вм. **довѣльнѣь** и **оѹпѣвати**³, согласно с правописанием некоторых русских рукописей конца XI в., но и в таких словах, как: **без крови, вѣзопити, злокозньнѣь** (но **кѣзнь**), **локотѣь, любовь, тоѹию** (но **тѣькъмо**) и др., а **ѣ** в словах **вѣзрѣвѣновати, молебѣьникѣь** (но **мольбѣьнѣь**) и др., что опять-таки затрудняет нахождение слова. Слово **вѣьскрианиѣь** приходится искать в словаре под **о**: **оскрианиѣь**. Правда, в Троицком списке XIII в. читается **в ѡскриани**, но это, надо думать, ошибка. Чтобы не навязывать читателю своего толкования, можно было оставить в словаре и то, и другое.

Ѥ и **Ѥь** слабые И. старается писать правильно, пропуская их часто только в первом слого основы, т. е. следуя в этом случае правописанию, известному из русских рукописей уже с конца XI в. (напр., во 2-м почерке Арханг. ев.) и неизвестному южнославянским рукописям XI в., пропускающим **Ѥ** чаще в суффиксах. Но и это правописание И. не выдерживает. Рядом с такими написаниями с пропуском **ѣ** и **ѣь** в первом слого основы, как **врати, гнати, звати, зрѣьти, вѣьспрѣьти, довѣьти, здание, книга, князь, много, ѹто** и др., в Словаре имеются написания с сохранением **ѣ** и **ѣь**: **бѣьдѣьти, бѣьтарь, вѣьегда, вѣьсе, вѣьсако, повѣьсюдоѹ, дѣьньсѣь, жѣьгома, жѣьдати, забѣьвениѣь, лѣьгати, мѣьнѣьти, вѣьдова, обѣь-**

³ В этом слове **о** явилось на месте **ѣ** слабого.

довѣти, посылати, кѣто и др. И в этом случае, благодаря такой непоследовательности, одно слово приходится искать в двух местах. Не в первом слоге основы (в приставках, суффиксах, конце слова) И. вообще сохраняет ъ, ь слабые, но иногда пропускает их там, где они в памятниках XI в. не пропускались, напр., в приставках **низъ, прѣдъ**, или, наоборот, пишет их и там, где их никогда не было: **десъница, десънь, жельзънь, замысль, присъно**, что опять-таки затрудняет отыскание слова, попадающего не на свое место.

На месте древнерусских ѝл, ѝр, ѝр, ѝл, ѝл, ѝр, ѝр или древнеболгарских ѝл, ѝл, ѝр, ѝр между согласными И. всюду пишет ѝл, ѝл, ѝр, причем ѝл — только в соответствии с древнерусским ѝл, позднейшим *ле*: **вальстѣти, слъзда**, но **млъуати, влъкъ, пълтъ, съмрътъ, кръстъ** и пр. Но подобное (и то не совсем такое) правописание этих сочетаний из русских рукописей имеется только в Пандектах Антиоха XI в., да и в южнославянских рукописях XI в. не встречается (в Мар. пишется **слъзы**, в остальных имеется не только **рѣ**, но и **ръ**).

Сильно затрудняется отыскание слов благодаря смешению глухих и звонких согласных. Так, И. пишет **здравъ, здравнѣ** вм. **сѣдрав-** (в тексте Хроники всюду, не менее 7 раз, **сдрав-**), **въспити** при **възопити** вм. **възѣпити** (в тексте, в указанных И-м местах, 6 раз **възѣпи-** и по одному разу **въспи-**, **възопи-** и **возопи-**), **въздѣ** вм. **въсьде** (в тексте **везде**), **нѣгде** вм. **нѣкъде** (в тексте **нѣкъде**) и др.⁴

Иногда И. неправильно восстанавливает слово, что тоже затрудняет его отыскание; так, вм. **сѣкрило** (в Троицком списке **Ѡ скрила Арона** 156₁₃) дано **вскрило** на основании явно ошибочного чтения поздних списков. Удобнее было дать в словаре оба варианта.

Слова, встречающиеся в Хронике в полногласном виде или с начальным **о** вместо ст.-сл. **ѣ**, И. правильно помещает в словаре в том же виде.

Словари содержат не все слова, встречающиеся в славянском переводе Хроники. В нем отсутствуют собственные имена, даже в том случае, если они в славянском тексте даны в славянском переводе; так, напр., имена **Хроуша** Ἰακῶβ 63₁₈, 64₁₁ и др., **Образъникъ** Εἰκότιον 35₂₃, **Загаучъ** Λαγού 199₂, **Волнатаго** (козла) Μενδήσιον 63₁₉, **Пожевъникъ** Μαχαίρας 509₂₆ и др.

⁴ Это не опечатки, потому что названные слова в словаре занимают соответствующие по алфавиту места.

Отсутствуют полностью слова, представляющие транскрипцию или видоизменение, хотя бы значительное, соответствующих греческих слов, равно как и образованные от них прилагательные, как, напр., **ангелъ**, **апостолъ**, **гигантскыи**, **даскалъ** (διδάσκαλος), **диавольскыи**, **ероулы**, (αἰλουροί), **еретичскый**, **идолъ**, **икона**, **кесарь**, **магистръ**, **патриаршскъ** и мн. др.⁵, хотя есть **подроумиѣ** ἰπποδρομίον. Сюда же, очевидно, И. относит и слова **олѣи**, **папежъ** и **полата**, имеющиеся в славянском тексте Хроники, но отсутствующие в обоих словарях, хотя **олѣи** и **папежъ**, несомненно, в славянский язык перешли не из греческого языка, отношение же **полата** к греч. *παλάτιον*, переводом которого является это слово в Хронике⁶, и к латинск. *palatium* остается не вполне выясненным. Если слово, взятое из греческого языка, является в славянском тексте переводом другого греческого слова, оно в словарях дается. Так, там есть слово **манастыръ**, но только как перевод греч. *μονή*, хотя этим словом не менее часто в славянском тексте Хроники передается и греч. *μοναστήριον*⁷, вовсе отсутствующее в словарях. Однако слова **архистратигъ** στρατιάρχης 503₁₄ в обоих словарях нет. В греческо-славянском словаре при тех греческих словах, которые в славянском тексте Хроники в одних местах переведены, в других только транскрибированы или несколько видоизменены, даются только те славянские параллели, которые представляют перевод; так, при *εἶδωλον* указано **коумиръ** и нет обычного **идолъ** (ср. 63₁₃, 64_{22, 23, 26}), при *εἰκόν* указано **видъ**, **образъ** и нет не менее частого **икона** (ср. 503₉ и др.) и т. д. Таким образом, читатель, пользующийся словарями Истрина, может получить совершенно превратное представление о словарном составе славянского перевода Хроники, предположив, напр., что в нем *εἶδωλον* везде переведено словом **коумиръ**, что словом **манастыръ** передается только греч. *μονή* и т. д.

По-видимому, нет в славянской части Словаря и тех славянских слов, которым нет соответствия в греческом тексте Хроники. По крайней мере, так можно понимать отсутствие слова **нерѣчистъ** в Словаре: в славянском тексте читается: **бѣ же рода неречиста** 265₄; в греческом соответствующих слов нет, а вместо этого стоит *οὐδὲ Νέρωνος*.

⁵ Перечень их см. у Истрина, Хроника Г. А., т. II, стр. 200—203.

⁶ Между прочим, 503₅, 532₃ и др.

⁷ 503₁₃ и др.

Отсутствует в словаре большая часть предлогов, союзов и других частиц. Такой пропуск представляет большое неудобство, потому что в употреблении этих слов между славянскими языками издавна существовали различия, которые отразились и на старославянских памятниках.

Пропущены местоимения личные, притяжательные и некоторые другие. Какими принципами руководился И., пропуская или вводя в словарь те или другие местоимения, неясно; так, в словаре есть **къто** и нет **ѹто**, **ѹни**.

Отсутствуют все числительные (и порядковые, и количественные, и собирательные), кроме **ѿдинъ** (но в греческо-славянском словаре числительного *εἷς* нет) и **оба**. Таким образом, в словарях нельзя даже справиться, есть ли и какими словами обозначаются в Хронике числа 40, 90 и 1000, что очень важно для определения национальности переводчика.

Кроме названных пропусков есть и пропуски случайные. На просмотренных мною 8 страницах (около 0,015 всей Хроники) я заметил следующие пропуски.

1. В обоих словарях, и греческо-славянском, и славянско-греческом, отсутствуют следующие соответствия:

бивъшеся πολέμου συγκροτηθέντος 509₅ (есть только *битися* συγκροτεῖσθαι, без πολέμου),

брань πολέμιον 509₁₈ (слова πολέμιον вовсе нет),

бъчельньи μελισσῶν 63₁ (обоих слов, как и слова *бъчела*, вовсе нет);

вода ὕδατα 509₁₄ (есть только *вода* ὕδωρ);

градъская πόλεως 509₁ (оба слова есть, но с другими параллелями);

избѣжати διαδιδράσκειν 509₁₆ (слова διαδιδράσκειν вовсе нет);

идеже ἐνθα 532₃;

наипървѣ πρῶτος 31₉ (*наипървѣ* вовсе нет);

нарицаемьи ἐπώνυμος 509₄;

обѣдати ἀριστεύειν 532₂₄;

отрубънъ ἀλφίτου 265₁₈ (*отрубънъ* вовсе нет, *ἄλφιτος* нет в греческо-славянском словаре; в славянско-греческом есть *отрубьянъ* ἀλφίτου);

поне κατόπιν 532₁;

първъньчъствия πρωτοκία 93₁₇;

пшеничье σίτου 63₁ (слова *пшеничьи* вовсе нет);

своя си τὰ ἴδια 509₂₃;

старьць γέρων 265₁₅ (*старьць* только в греческо-славянском словаре как перевод греч. πρέσβυς и πρεσβύτερος; в славянско-греческом словаре это слово отсутствует; для γέρων указана только одна параллель «старь»);

стражьньи βίγλης 532₂₆ (обоих слов вовсе нет);

сърѣте κατά συνάντησιν 509₂₆;

холотьски σχολῶν 509₁₇ (обоих слов вовсе нет);

(*не*) *хотя (μη) θέλων* 503₂₆ (θέλειν есть, но с другими славянскими параллелями);

четвероножины τετραπόδες 31₄, 63₁₁ (слова *четвероножина* вовсе нет).

2. Данное соответствие указано в греческо-славянском словаре, но отсутствует в славянско-греческом:

велелѣнѣ σεμνοπρεπής 27₁₃.

3. Данное соответствие указано в славянско-греческом словаре, но отсутствует в греческо-славянском:

Θεομήτορος богородичинѣ 503₁₄;

κρυψιγαμίας таинобрачьствѣнь 503₂₆;

μοναχός мнихѣ 503₁₈;

παρίπλευεῖν минути 509₃;

σφοδρῶς зѣло 532₃₀.

Кроме того, при печатании в славянско-греческом словаре выпущено слово *огнь*, и греческие параллели этому слову оказались при слове *огнище*. Мелкие ошибки и неточности, встретившиеся мне, опускаю.

Неверно приведены в словаре слова *царевѣ*, *царевьскѣ*, *царица*, *царь*, *царьскѣ* и пр. (в обоих словарях): в Троицком списке всюду *цѣрь*, *цѣрица*, *цѣревѣ* и т. п., т. е. *цъсарь*, *цъсарица*, *цъсаревѣ* или *цъсарь* и т. д., как и в остальных старославянских и церковнославянских памятниках до XIV в.

Все указанные пропуски и неточности, хотя и понижают ценность словарей, составленных Истриным, всё же не отнимают у них их крупного значения для старославянской лексикологии. Между прочим, они сильно облегчают решение вопроса о национальности переводчиков Хроники Георгия Амартола, так как этот вопрос решается главным образом на основании изучения словаря памятника.

* * *

Словарям предпослано введение на 46 страницах (V—L), посвященное разбору мнений других ученых о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. Рассмотревши замечания, высказанные по этому вопросу мною⁸, проф. Вейнгарт⁹, проф. Розовым¹⁰ и акад. Лавровым¹¹, И. приходит к выводу, что все эти замечания не опровергают его положения, высказанного им во II-м томе его труда¹², что перевод был сделан русским славянином в середине XI в. Новых данных в пользу своего мнения он не приводит, оперируя исключительно с тем материалом, какой был привлечен им раньше, и тем, какой был привлечен его рецензентами. При изложении и разборе этого Введения я позволю себе вкратце остановиться и на разборе мнений Вейнгарта и Лаврова.

Напомню вкратце доводы И. в пользу русского происхождения перевода Хроники Георгия Амартола и замечания, высказанные по этому поводу другими учеными.

И. во II-м томе своего труда указывал в качестве доводов и пользу русского переводчика следующие факты: *a)* полногласие, *b)* сложения с приставкой *вы-*, *c)* передачу греч. *μβ* через *мб*, *d)* *patronymica* на *-ичь*, *e)* глоссы, *f)* слово *варяжськъ* для перевода греч. *φράγγων*, *g)* название скифов козарами, *h)* название «Селунь» как глоссу к «Фесалоникии» и *i)* ряд словарных русизмов. Во введении к II тому он, под влиянием сделанных ему возражений, не настаивает на пункте *c)*, продолжая поддерживать остальные пункты, но опираясь уже главным образом на словарные русизмы.

Я в своей статье указывал, между прочим, на то, что полногласие само по себе еще не указывает непременно на русского переводчика,

⁸ К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола, *Slavia IV* (1925), стр. 446—460 [Дурново, 1925—наст. изд., с. 367—382].

⁹ *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*, ч. II, Bratislava 1923, odd. 1, стр. 88—90, odd. 2, стр. 510—514. (Spisy filosofické fakulty univ. Komenského IV.)

¹⁰ *Slavia*, IV, стр. 364—370 и V, 359 сл. (рец. на книгу Вейнгарта) [Розов, 1925, 1926].

¹¹ Георгий Амартол в издании В. М. Истрина, *Slavia IV* (1925), стр. 461—484 и 4, (1926), стр. 657—683.

¹² Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II, Петроград 1922, стр. 268—309.

так как известны случаи позднейшей замены переписчиками неполногласных форм полногласными (как и обратные — полногласных неполногласными), что в Истринском списке словарных русизмов перевода есть и слова, известные издавна южнославянским языкам, и что некоторые глоссы могли принадлежать и южнославянскому переводчику, а некоторые могли быть внесены позднее. При всем том я признал, что некоторые слова и глоссы из названных Истриным могли принадлежать только русскому переводчику, не южному славянину и не позднейшему редактору. Незначительное количество таких русизмов и наличие вряд ли известных русским в XI в. южнославянских слов я объяснял тем, что перевод был сделан на Руси комиссией, в которой русскому переводчику могла принадлежать второстепенная роль.

Проф. М. Вейнгарт предполагает, что перевод был сделан болгариним, может быть, из Западной Болгарии или Македонии; но возможно, что этот переводчик болгарин работал в Киеве или вообще на Руси. Доказательства этой мысли приведены им на стр. 88—95-й 1-го выпуска II-го тома. Во 2-м выпуске он довольствуется изложением взглядов Истрина и голословными замечаниями о своем несогласии с ним, не приводя новых доводов. Его доводы сводятся к следующим:

1. Судя по летописной заметке, при Ярославе на Руси переводились книги только «*páboženské*»¹³, к числу которых Хроника Георгия Амартола не принадлежит.

2. В переводе есть старые слова, имеющиеся в кирилловских евангелиях, которым в более позднем болгарском переводе Амартола (т. наз. сербском Амартоле) соответствуют другие слова.

3. В переводе часты образования с суфф. *-янин* от греческих географических имен, отсутствующие в позднем болгарском переводе Амартола.

4. В Троицком списке Хроники почти нет русских падежных форм на *-ѣ*, соответствующих ст.-сл. формам на *-а*.

5. В том же списке постоянно пишется *-ык*, *-ыа* и т. д. вместо русско-го *-ик*, *-иа*.

¹³ Истрин на стр. XLVII неверно понимает «*páboženské*» как «богослужебные» и доказывает, что богослужебные книги при Ярославе не переводились. Это тоже не совсем точно, потому что церковный устав, переведенный при Ярославе, относится к богослужебным книгам.

6. **о** в слове **вельможа** может указывать, по мнению В., на зап.-болг. или македонский говор с **о** из **ж**.

7. Русизмы словаря могут указывать на то, что переводчик работал на Руси, а не на его национальность.

Относительно доводов В. я могу заметить следующее. Летописная заметка не говорит о переводе книг только религиозного содержания, а лишь о том, что читатели книг, переведенных при Ярославе, наслаждаются учения божественного. Но для такого наслаждения достаточно много давала и благочестивая Хроника Георгия Амартола. Несколько странно в качестве доводов в пользу *болгарского* происхождения перевода указывать на отсутствие некоторых особенностей этого перевода в несомненно *болгарском* втором переводе Хроники и в несомненно *болгарской* редакции евангельского текста в Остром. ев., отличном по своему словарю от других русских списков Евангелия. *Все* слова, приводимые В-том в доказательство болгарского происхождения перевода, имеются не только в богослужебных текстах Евангелия и Псалтыри, принятых в XI—XII вв. на Руси и, вероятно, у чехов и потому хорошо известных тогдашним русским и чешским переводчикам, но и в памятниках чисто русского происхождения, как Сказание о Борисе и Глебе, Несторовы жития Бориса и Глеба и Феодосия, Повесть временных лет, слова митроп. Илариона и Кирилла Туровского и т. д., а некоторые также и в Русской Правде, грамотах XIII в. и т. п. Образования на *-янинь* обычны исстари и в сербохорватском, и в русских, и в чешском языках. В памятниках русского происхождения XI—XII вв. таких образований много. Падежное окончание **-ѣ** от основ на палатальные в соответствии со ст.-сл. **-а** в Троицком списке Хроники встречается (ср. **мѣжѣ** 31₁₀, другие примеры у Истрина, стр. XL), хотя и очень редко, но оно и в оригинальных русских памятниках не всегда часто. Так, в Лавр. списке Повести временных лет 1377 г. во введении на лл. 1—7 об. я насчитал всего 6 случаев с окончанием **-ѣ** (или **-ѣ** после гласных) при 23 случаях с **-а**, **-а** и **-та**. В Сказании о Борисе и Глебе по списку XII в. на первых 8 стр. издания 9 примеров с **-ѣ** и 23 примера с **-а**, **-а**, **-та**. В житии Феодосия Печерского окончания **-ѣ** в этих формах почти нет: на первых 12 страницах (по изданию) 1-го почерка я нашел только два примера с **-ѣ** при почти 60 примерах с **-а**, **-а**, **-та**, а на первых 5 стр. 2-го почерка ни одного примера с **-ѣ** при 36 примерах с **-а**, **-а**, **-та**. В русских рукописях XI и 1-й половины XII в., действитель-

но, чаще написания с **-ик**, **-ипа** и пр., чем **-ык**, **-ыпа**, но в конце XII в. и в таких случаях начинает вытесняться буквою **ь**: так, в Лавр. списке Повести врем. лет в рассказе о княжении Ярослава с 1016 по 1050 г. на 43 примера с **ь** только 3 примера с **и**. В слове *вельможа* старое *о*, а не **ж**, и слово это издавна известно, между прочим, русским и польскому языкам и встречается в русских оригинальных памятниках¹⁴.

Лавров высказывает предположение, что перевод Хроники был сделан мораванином, но на славянском Юге. За это, по его мнению, говорят такие факты: а) за то, что переводчик работал на Юге славянства:

1. Три случая употребления **ж**; все три в списках XV и XVI вв.
 2. Три случая написаний, которые могут объясняться тем, что в протографе было смешение **л** и **ж**.
 3. Один раз **тысюць** в списке XIII в.
 4. Несколько примеров с **а** вм. **ѣ**.
 5. **а** вм. **ѣ** один раз в слове **авѣ** и 7 раз в местоимении **акыи**.
 6. **п** вм. греч. **υ** в дифтонге перед глухой согласной 2 раза.
 - 8.^{14а} Предлог **от** при глаг. **боатиса**.
 9. Частые случаи разделения неопределенных местоимений и наречий с **нѣ**- вставкой предлога после **нѣ**-.
 10. Муж. род некоторых слов, принадлежащих в русском языке к женскому.
 11. Ряд южнославянских слов, неупотребительных в русских памятниках (стр. 124 сл., 480—482, 657 сл.).
 12. Образования с суфф. **-икъ** и **-ыць**.
 13. Глаголы на **-ствовати**.
 14. Непереведенные грецизмы.
- б)* за то, что переводчик был мораванин:
1. **ш** и **ж** перед суфф. **-анинъ**: **фракишанинъ** и т. п.
 2. Оборот **пять межю десятьма**.

¹⁴ Те же приблизительно возражения были сделаны Вейнгарту и Розовым — Slavia IV. 2, стр. 366—368 [Розов, 1925]. Слова **искрь** и **оужика**, неизвестные Розову из чисто русских памятников, в таких памятниках встречаются, **искрь** — между прочим, у Кирилла Туровского и в русском переводе Песни Песней с толкованиями Ипполита и Филона Карпафийского, **оужика** — в Повести временных лет, у Кирилла Туровского и др.

^{14а} Так в оригинале: п. 7 отсутствует. — Прим. ред.

3. Существительные на **-ствник**.

4. Словарные особенности. Лавров в двух местах приводит более ста слов, из которых одни считает только чешскими, другие, несомненно, знакомыми чешскому переводчику, если допустить, что переводчик был чех.

Возражая Истрину, Л. указывает, что передача греч. $\mu\beta$ через mb и глоссы известны и из несомненно южнославянских памятников, приставка *вы-* может указывать не только на русского, но и на чешского переводчика, а несомненные русизмы русских текстов Хроники могли быть внесены позднейшим редактором.

Некоторые замечания Л. основаны на недоразумении или являются простыми ошибками. Употребление **ж** в рукописях XV и XVI в. не может говорить о том, что было в XI в., потому что на Руси в XV в. была мода писать **ж**; в примерах с **а** вм. **ѣ** буква **а** или написана правильно (не вместо **ѣ**), или несомненная описка; **авѣ** 44₂₅ не $\phi\alpha\nu\epsilon\rho\delta\varsigma$, а $\Gamma\alpha\beta\acute{\epsilon}$; местоим. *акой* с ударением на *а* существует искони и в русском языке; ν вм. υ в дифтонге перед глухими нередко и в греческих рукописях X и XI в. (нередко $-\epsilon\psi-$ и т. п. вм. $-\epsilon\upsilon\sigma-$); постановка предлога после *нѣ-* широко известна издавна и русскому языку; суффиксы *-ик* и *-ец* обычны и в русском языке, как и глаголы на *-ствовать*; образования на *-шанинѣ* и *-жанинѣ* от имен на *-с*, *-з*, *-х*, *-г* издавна известны и русскому, и сербохорватскому языкам (в последнем от имен на *-г* образования на *-ђанин*), ср. русские: *горожанин*, *залешанин* и пр.; в Пов. врем. лет: *мазовшане*, *логожане* (под 1127 г.), *поршане* (под 1149 г.), *ладожане* (1207 г.) и др. Остальные замечания Лаврова рассмотрю ниже в связи с ответными замечаниями Истрина.

Введение Истрина к изданию словарей в большей своей части посвящено подробному разбору замечаний П. А. Лаврова; остальных своих оппонентов И. касается лишь мимоходом. Стр. X—XVIII и XXV—XXXVI содержат разбор слов, приведенных Лавровым в доказательство того, что словарь перевода не русский и что в нем много слов, которые можно считать чешскими. И. справедливо указывает, что те слова, «которые нам известны из древнейших списков книг Нового и Ветхого Завета, богослужебных и др. памятников древнейшей славянской письменности» (Лавров, стр. 657),—а их Лавров приводит более 300,—должны были быть известны и русскому книжнику XI в., и приводит параллели ко многим из них (около трети) из оригинальных памятни-

ков русской письменности XI—XIII вв. (стр. XII—XVI). Относительно остальных подобных слов И. замечает, что одни из них «настолько просты и обыкновенны, что могли явиться под пером любого русского книжника, знакомого с греческим языком» (стр. XI), другие «несколько не чужды русскому языку, древнему и современному» (стр. XVIII). Можно заметить, что очень трудно решить, насколько «просты и обыкновенны» для русского переводчика XI в. были те или другие слова, неизвестные нам из оригинальных русских памятников XI—XII вв., что в числе слов, которые И. считает не чуждыми «русскому языку, древнему и современному», есть слова, которые неизвестны современному языку, не встречаются в памятниках русского происхождения и вряд ли были известны вообще древнему русскому языку, как *доильница* τῆθήνη, *лезнь* ἀστράγαλος, *льготыни* ὀλιότης. Но, конечно, все слова, известные русскому переводчику из церковных книг, он мог употребить и в своем переводе, если только этому не мешала известность того же слова в русском языке в совсем другом значении.

Что касается слов, которые Лавров считает словарными чехизмами — таких слов он насчитывает более 70, — то, по мнению И. (стр. XXV—XXXVI), все они были известны и, частью, известны и до сих пор русскому языку или, по крайней мере, были известны и русскому книжнику XI в. Большая часть замечаний И. правильна; можно указания И. на известность тех или других слов русскому языку даже дополнить; так, *повозник* имеется и в нынешних великорусских говорах (в Московской губ. «кучер невесты на свадьбе»); *плюча* πνεύμων своим *ч* указывает на русский язык; если бы слово не было известно русскому языку, русский редактор не догадался бы заменить болг. *шт* или чешское *ц* через *ч*. Но из 72 слов, указанных Лавровым как чехизмы, И. указывает русские параллели только для 50 с небольшим, причем некоторые параллели неполные: нынешнее русское *собеседник* (по происхождению слово не русское, а ц.-сл.) не может указывать на известность древнерусскому языку слова *бесѣдникъ*, и т. д. Я сильно сомневаюсь в том, чтобы русский переводчик, воспитанный на византийской культуре, мог употребить в своем переводе такие чехизмы, как *годовабль* и *крижмо*, даже если и знал их из какого-нибудь литературного памятника. Поэтому я продолжаю думать, что русский переводчик работал над переводом Хроники не один.

Относительно указываемых Лавровым южнославянских слов, как *вила*, *воиникъ*, *кола* и пр., И. ограничивается замечанием, что это «слова

литературные, известные из древнерусских памятников» (XXXV), не подтверждая своих слов ссылками на определенные памятники.

На возражениях И., в общем правильных, Лаврову по поводу его замечаний о приставке *вы-*, образованиях с суффиксами *-икъ*, *-ьць*, *-ствие*, *-ствовати*, глагола *одалати*, местоим. *акъи*, употреблении **ж** можно не останавливаться.

Напрасно И. соглашается с Ларовым (стр. XXXVI), что формы на *-шане* (*фракишане* и т. п.) «в отделенном прошлом восходят к чешскому языку»: суффикс *-janin* искони существовал и в русском и сербохорватском языках¹⁵, и образования с ним от имен на *-s* и *-z* должны были иметь *š* и *ž*.

Правильно указывает И., что употребление предлога *от* при *боятися* в Хронике не чехизм, а общелитературный грецизм старославянского языка (XXXVII—XXXIX).

По поводу формы 3 мн. аор. **обръѣтоу**, которую Лавров считает болгаризмом (почему не чехизмом?), И. ограничивается замечанием, что «эта единственная форма для всего Троицкого списка является какой-то странной», и не пытается объяснить, как она туда попала. Для меня несомненно, что эта форма не описка и употреблена сознательно; она могла быть внесена из щегольства своим знанием ц.-сл. языка писцом или редактором, которому приходилось читать или слышать ее не раз, напр., в той редакции евангельского текста, которая представлена первым почерком Арханг. ев., но скорее всего она идет из протографа перевода. Присутствие ее не противоречит предположению Лаврова о переводчике — чехе, потому что сильные аористы обычны в старославянских памятниках чешско-моравского происхождения; скорее даже ссылка на нее как на болгаризм нуждается в оговорке, потому что восточно-болгарским говорам X—XI вв. она не была свойственна. Русским литературным нормам старославянского языка в XI в. формы сильного аориста не были свойственны; тем не менее, в русских списках старославянских текстов македонского и моравского происхождения они нередки¹⁶, и потому не исключена возможность употребления

¹⁵ См. мое «Введение в историю русского языка» (Вгпо, 1927), стр. 223 [Дурново, 1927].

¹⁶ Так, напр., они имеются в 1-м почерке Арханг. ев., в Словах Кирилла Иерусал. XI в., в Типогр. еванг. № 1 XII в., в некоторых статьях Успенского Сборн. XII в., в житии Нифонта 1219 г., в Беседах папы Григория XIII в. и др.

ее и русским переводчиком, из того же щегольства своим знанием ц.-сл. языка, о котором я уже сказал.

Мое замечание, что показательность некоторых словарных русизмов Хроники несколько уменьшается тем, что они имеются только в той части Хроники, которая сохранилась лишь в поздних списках, заменяющих некоторые слова первоначального чтения другими, И. опровергает указанием на то, что замена одних слов другими в поздних списках наблюдается главным образом в области слов общелитературных, по бóльшей части обозначающих отвлеченные понятия, а не бытовых, а отмеченные им русизмы относятся именно к числу бытовых (стр. XLIV—XLV). Это указание в общем верно, хотя следует заметить, что провести грань между словами бытовыми и небытовыми очень трудно.

Против высказывавшегося оппонентами Истрина предположения, что русизмы русских списков Хроники могли принадлежать позднему русскому редактору, который исправлял старый нерусский перевод Хроники по греческому оригиналу, И. возражает, что такое предположение «будет вместе с тем обязательством признавать за русским редактором хорошее знание греческого языка и такое же знание славянского литературного языка» и что «заметить неудовлетворительность перевода и исправлять его по оригиналу труднее, нежели просто перевести последний» (стр. IX). Но те, кто высказывал такое предположение, вовсе не представляли себе дело так, что русский редактор нашел перевод не вполне удовлетворительным и решил сверить его с греческим текстом. Вся правка по греческому тексту могла сводиться к тому, что редактор нашел в тексте места, изложенные непонятно или непривычно для русского читателя, и пожелал их изложить понятнее или более по-русски; чтобы не наделать ошибок, он в этих случаях справлялся с греческим текстом, что легче, чем переводить заново. Впрочем, независимо от этого можно думать, что в XII в. знакомство русских книжников со старославянским литературным языком и опытность в переводах с греческого были больше, чем в середине XI в., когда они только принимались за это дело.

На стр. XLVII—XLVIII И. возражает Вейнгарту и мне по поводу нашего сомнения в том, чтобы при Ярославе, при самом начале переводческой работы, могли найтись лица, настолько начитанные в южнославянской письменности, чтобы перевести без посторонней помо-

щи такой огромный памятник, как Хроника Георгия Амартола, использовавши словарный запас и литературную технику южнославянских переводов и почти избежав чистых русизмов. И. указывает на то, что от XI в. мы имеем памятники, свидетельствующие о высоком литературном развитии авторов и хорошем знакомстве с византийской и южнославянской литературой. Я думаю, что перевод большого памятника, для которого надо было подыскивать слова, и создание оригинального литературного произведения — не одно и то же. Автору «Слова о законе и благодати», на которое ссылается И., не нужно было подыскивать такую массу слов, как переводчику Хроники Георгия Амартола, а Летопись в тех частях, которые не взяты из готовых славянских переводов с греческого, представляет значительные отклонения от норм старославянского языка в своем словаре и фразеологии. Впрочем, я отнюдь не склонен придавать этим соображениям решающее значение. Вопрос о том, мог ли русский книжник справиться один с переводом Хроники, может быть решен только путем анализа словаря и фразеологии перевода. Надо не выискивать только отдельные русизмы, чехизмы, болгаризмы и т. п., а выяснить, насколько полно переводчик использовал словарь тех славянских памятников, которые, несомненно, были в его распоряжении (Евангелие, Псалтирь, Апостол, Паремейник и т. п.), и что добавил к этому запасу; какой характер имеют эти добавления — представляют ли кальки с греческого, для которых использован словарный материал старых переводов, или отражают какой-то живой говор и т. д.

На стр. XLVIII И. останавливается на моем предположении, что в переводах, делавшихся в Киеве при Ярославе, участвовали и нерусские славяне. Признавая это предположение заслуживающим «полного внимания» и вполне правдоподобным, он, однако, представляет себе участие нерусских славян в таких переводах в более скромных размерах, чем я, и не находит возможным говорить о переводах, сделанных «южными (resp. западными) славянами при участии русских», допуская только «переводы, сделанные русскими при участии славян». По его мнению, южные славяне, как более опытные переводчики, лучше русских знавшие и греческий, и старославянский, т. е. свой собственный язык, не нуждались в участии русских, а «русские переводчики ... в затруднительных случаях должны были обращаться» к южным славянам. Но я, говоря о переводах, сделанных южными славяна-

ми при небольшом участии русских, имел в виду не такую помощь, а такое распределение работы, при котором южные славяне брали большую часть работы на себя, оставляя русским переводчикам более легкие места.

В заключении «Введения» И. говорит о языке, «на котором русский книжник половины XI в. мог и писать свои собственные произведения, и делать переводы с греческого». Это, по его словам,— тот же самый литературный язык, на каком в то время писали и болгары и мораване, хотя, конечно, «книжная речь» русского книжника «должна была носить следы его собственной речи, следы русского языка» (стр. XLIX—L).

Этим исчерпывается содержание «Введения». И. оставил без возражения большую часть замечаний моих и Вейнгарта, вероятно, потому, что принятие моих замечаний не мешает считать переводчика русским, а доводы Вейнгарта уже были рассмотрены Розовым. Но И. ничего не сказал и по поводу ссылок Лаврова на употребление в Хронике числительного *тысящъ* и оборота *пять межю десятьма*. Слово *тысящъ* можно рассматривать и как болгаризм, и как чехизм. Русские переписчики обычно передавали болгарские **ттысѣщъ** через **ттысоуѣщъ**, но могли написать и **ттысющъ**, потому что заменяли **ж** не только буквами **оу**, но и буквой **ю**. Если предположить, что переводчик был чех, то **ю** (или еще **ѣ**) могло быть уже в протографе. Но слово **ттысѣщъ** (**ттысоуѣщъ**) настолько часто в обращавшихся в XI—XII вв. на Руси списках старославянских памятников, что его мог употребить для большей «литературности» и русский переводчик XI в. Но я совершенно не допускаю возможности употребления русским переводчиком оборота *пять межю десятьма* и думаю, что в этом случае следует присоединиться к мнению Лаврова, что этот оборот принадлежит переводчику чеху или моравянину. Так как русизмы вне всякого сомнения, и значительная часть их, несомненно, была уже в протографе перевода, а не внесена позднейшими редакторами и переписчиками¹⁷, а в то же время ряд моравизмов и южных славянизмов того же перевода не может

¹⁷ К словарным русизмам перевода, указанным Истриным, можно прибавить *клаколь* (= колокол) «κώδων», *пятьница* «παρασκευή», *свиныйъ* «μόλυβδος», *шелковъ* «σηρικός», отмечу также слова *сосна* и *хвостъ*, неизвестные ю.-сл. памятникам и нынешним ю.-сл. языкам, *годъ* «ἐνιαυτός».

принадлежать русскому переводчику, я остаюсь в общем при прежнем мнении, что перевод Хроники был сделан на Руси комиссией, в состав которой, кроме русских, входили и нерусские славяне: в числе последних были и чехи или мораване. Но в отличие от мнения, высказанного мною раньше¹⁸, я думаю теперь, что участие русского переводчика в деле перевода было более значительным, чем мне казалось тогда. В каком виде выразилось это участие и в каком отношении перевод Хроники Георгия Амартола стоит к другим славянским переводам древнейшей эпохи—это вопрос, который заслуживает особого рассмотрения и к которому я рассчитываю еще раз вернуться.

¹⁸ Введение в историю русского языка, стр. 80 [Дурново, 1927].